

Окончание. Начало — на стр. 1

В КОНТЕКСТЕ рассматриваемой нами темы подчеркнём другое: образовавшийся в условиях перестройки "воздух свободы", особенно политика гласности (хоть чем-то пресловутая перестройка должна была ознаменоваться!), позволившая мыслящим людям многое из замалчивавшейся ранее истории России и СССР открыть для себя и оценить, интересующего нас направления — речь идёт о геополитике — поначалу не очень коснулась. Точнее сказать: все эти пертурбации с Системой и кардинальное изменение конфигурации геополитического пространства СССР де-факто "формировали заказ" на их осмысление. И осмысление именно с точки зрения прежде запрещённого направления мысли — геополитики. В то же время поначалу воспылавших надеждой энтузиастов от геополитики ждало разочарование, поскольку первоначально ситуация складывалась не в их пользу.

Очень точно эту ситуацию фиксирует профессор Корнеллского университета (США) М. Евангелиста: "Когда официальный советский дискурс, наконец, отказался от формул классового противостояния, на смену им пришла вовсе не realpolitik или геополитика. Напротив, при Горбачёве и его министре иностранных дел Шеварднадзе внешнеполитический дискурс стал отражением "нового мышления" — подхода, который, усвоив язык общечеловеческих ценностей и норм, преуменьшал значение физической силы и географического фактора". Иными словами, власть предержажие вовсе не связывали осмысление происходивших в то время процессов и их возможные последствия с инструментарием геополитической области знания. Конечно, отдельные работы "пионеров" (первопроходцев) от геополитики тогда уже появились, но скажем так: это были очень робкие и разовые попытки отдельных авторов, стремившихся освещать динамику перестроенных процессов и изменения в международном окружении СССР с точки зрения геополитики, при утвердившемся в правящих партийно-политических кругах абсолютно чуждом ей дискурсе. Терявшая власть КПСС и её идеологическая "обслуга" как будто чувствовали, что геополитика обнажит суть происходящего, разоблачит многие вещи, делает очевидным то, что скрывалось и/или вуалировалось. Одним словом, способствовать развитию геополитического дискурса и стимулировать развитие табуированной некогда области знания было не в их интересах.

В СРАВНЕНИИ с брежневским руководством, которое в общем и целом придерживалось традиционной евразийской ориентации, что было особенно характерно прежде всего для высшего военного руководства, ряд партийных и — шире — политических деятелей и околополитических персон в позднем СССР стали проявлять повышенный интерес к мондиализму — идеино-политическому комплексу, являющему собой полную противоположность геополитическому мышлению. И это был отнюдь не "красный мондиализм" в духе Троцкого и компании. Увы, уже в то время в нашей стране стал пробивать себе дорогу атлантизм с налётом мондиализма. Здесь тон задавали смотрившие на Запад и внимавшие ему некоторые политики, занятые проведением внешнеторговых операций, и/или курировавшие эту "доходную" сферу госчиновники, а также обслуживавшая власть экспертная "публика" (особенно журналисты-международники). Последнюю линию с конца 1960-х годов весьма активно продвигала группа Дж.М. Гвишиани (1928–2003) — видного деятеля из числа советской парт/гос/номенклатуры, де-факто продвигавшего идею конвергенции двух систем. С конца 1960-х он был одной из самых важных персон, через которую советское руководство осуществляло неформальные контакты с Западом, в частности с созданным в 1968 году Римским клубом (не случайно весьма доверительные отношения связывали Гвишиани с создателем этого "мозгового треста" и его первым президентом А. Печчеи). Между прочим, задуманный и руководимый Гвишиани НИИ системных исследований должен стать ничем иным, как

филиалом МИПСА (Международного института прикладного системного анализа).

Помимо ведомого Гвишиани Института системных исследований в ауре мондиализма находились тогда Центральный экономико-математический институт, Институт США и Канады АН СССР, значительный сегмент референтуры ЦК партии и особенно 5-й отдел КГБ СССР, ведавший идеологическими вопросами и в силу своей специфики постоянно и на самых разных уровнях имевший дело с мондиалистскими проектами и кругами. К началу 1980-х советские мондиалисты уже не просто контактировали с деятелями Римского клуба (тот поначалу был лишь площадкой для дебатов), но и непосредственно взаимодействовали с более серьёзными мондиалистскими структурами типа Трёхсторонней комиссии, которая сосредоточила в себе членов высшей элиты Запада. Имели место также контакты и с другими влиятельными неформальными организациями Запада — например, с "Советом взаимодействия" (международным объединением отставных политических деятелей высокого ранга). В нашу страну потянулись и "пауки" из числа сетевых "операторов": сионистские структуры типа еврейского ордена с древнейшей родословной — "Бнай Брит", масонские ложи (например, одна из самых влиятельных во Франции и едва ли не самая проамериканская — Великая национальная ложа Франции, ВНЛФ), — которые начиная с 1989 года получили возможность открыто пропагандировать свои идеи и вербовать новых членов.

Надо сказать, что на рубеже 1980–1990-х годов в среде интеллектуалов и в политических кругах СССР сформировалось влиятельное мондиалистское лобби. Во главе его находились советник Горбачёва политолог-международник и публицист Г.Х.

ПРАХ SOVIETICA

Часть вторая, заключительная. Вектор развития

Шахназаров (1924–2001), "архитектор" перестройки и главный идеолог партии А.Н. Яковлев (1923–2005), а также близкий к властным кругам Гвишиани, о котором уже сказано выше. По сути, ставленником этих сил был Горбачёв с его набившим оскомину "новым мышлением", "безъядерным миром", "общечеловеческими ценностями" и иными базовыми установками новой генерации цековцев. Исходя из "нового мышления", тогдашний лидер СССР и его окружение преподносили его (мышления) императивы чуть ли не как новую государственную идеологию, а само сочинение Генсека подавалось столь же высокопарно, как в своё время "Краткий курс ВКП(б)"!

Однако мы теперь знаем, чем обернулись для СССР эти горбачёвские принципы: а) отказ от основополагающего вывода о расколе современного мира на две противоборствующие системы и признание его единым и взаимозависимым; б) объявление в качестве универсального способа решения международных проблем не баланса сил двух этих систем (и, соответственно, двух сверхдержав), а баланса их интересов, отказ от принципа социалистического интернационализма; в) признание в качестве приоритетных общечеловеческих ценностей и их безусловного примата над всеми другими системами ценностей — классовыми, национальными, идеологическими и т. д. Мы теперь хорошо знаем, какие конкретные и ощутимые потери понесла наша страна на этом пути — по сути, "геополитической самоликвидации", и какими тяжёлыми последствиями это обернулось и для мира в целом. Здесь исследователям и экспертам ещё долго придётся разбираться с тем, как и почему сложилась ситуация, когда "колосс Евразии", крупнейшее государство мира, был подведён к пропасти и угодил-таки в неё; ещё предстоит реконструировать "план за ка-

дром", т. е. выяснить, кто конкретно и как управлял этими деструктивными процессами, подводя советское руководство тех лет к фатальному для страны решению!

Одним из условий этого, полагаем, было явное пренебрежение к географии, столь важной для нашей страны (напомним: "страны-континента", занимающей стержневое положение в Северной Евразии). Известный советский географ Б.Б. Родман называл эту установку "географическим нигилизмом", который, к сожалению, возобладал в то время у советского руководства и который, увы, сплошь и рядом встречается ещё и сегодня (в том числе в анализе международных реалий и при ведении внешнеполитических дел). А ведь любому здравомыслящему человеку, не говоря уже о политике, выступающем в роли ЛПР (лица, принимающего решения), понятно: анализ позиции государства, тем более его силовой позиции в мировых делах, должен начинаться с анализа его географии, и ни с чего другого. Это императив. В случае его игнорирования государственных мужей ждёт фиаско. Очень хорошо и очень точно, особенно в контексте обсуждаемого здесь "сюжета", об этом писал Э.А. Поздняков. По его мнению, "в сурлоке поседневной дипломатии, в столкновении сиюминутных интересов, ежедневно возникающих и исчезающих мелких конфликтов и противоречий, географический фактор порой уходит на задний план, забывается, пока политические просчёты, неудачи и поражения не заставляют вновь обратиться к нему как к одной из первопринчин не только политики, но и всего бытия государства. Можно, конечно, позволить себе забыть о географических основаниях политики, но тогда они будут мстить тем политикам, которые то ли по невежеству, то ли по небрежности оказались неспособными постичь их важность".

ПОМИМО ЭТОГО, отметим ещё одну важную вещь.

Не будь сервильного и предательского поведения позднесоветской элиты на рубеже 1980–1990-х годов — не было бы и поражения СССР в холодной войне с США на фронте информационной борьбы. А было бы как раз наоборот: скорее лежали бы на лопатках именно Соединённые Штаты. Для тех, кто не помнит или не знает этих фактов, напомним: в 1985–1987 годах имела место мощная девальвация доллара. Тогда американцы поистине терпели бедствие. Дефицит их бюджета, дотоле не превышавший 80–90 млрд долл., перемахнул аж за отметку 100 млрд, а к 1985 году превысил все 200 млрд долл.! Всё это едва не кончилось коллапсом — биржевым крахом в октябре 1987 года (обрушением всем известного индекса Доу — Джонса на 23% в один день). Американское руководство судорожно искало решения. Именно тогда советское руководство имело все шансы "выгнать" США в экономическую катастрофу и выиграть холодную войну, сохранив СССР. А что произошло? Власть предержажие в Москве сделали всё наоборот, де-факто они помогли американкам подняться, а вслед за тем позволили им нас же и атаковать!

Как пишет в этой связи наш известный писатель и публицист М. Калашников: "Спастись янки смогли за счёт неимоверных усилий: благодаря капитулянтской позиции Горбачёва и тому, что под американским давлением Саудовская Аравия залила мир дешёвой нефтью, стремительно сбывая мировые цены на "чёрное золото". Они сминались даже в долларом выражении, несмотря на девальвацию "зелёного". Это поддерживало американскую экономику на плаву. Кроме того, Вашингтону, пользуясь "советской угрозой", удалось добиться от Японии ограничения её экспорта в США. Дескать, вы же не хотите сыграть на руку русским и подорвать флагман мировой демократии экономически? И японцы согласились на квотирование своего ввоза. Ну а дальше США, умело вогнав японскую экономику в кризис (длющийся с 1991-го и до сих пор), получили гигантские барыши на развале СССР, на буме интернет-экономики и телекоммуникаций".

Владимир РЯБЦЕВ, Станислав СМАГИН

Иллюстрация: из серии «Сверхновая Мо-сква». Художник Алексей Беляев-Гинтовт. 2012 г.

28 июня 2025 года исполнилось 85 лет со дня возвращения Молдавии в состав СССР (России) и освобождения молдавского народа от румынского ига. Бессарабию (примерная территория современной Молдовы) к России присоединил М.И. Кутузов по Бухарестскому мирному договору 1812 года в результате победоносной русско-турецкой войны 1806–1812 годов. Тем самым он обеспечил Российской империи выгодные военно-стратегические позиции, связанные с обретением естественных границ по Дунаю и Пруту, а также освободил значительную часть православного молдавского народа от многовекового османского ига. Территория Приднестровья вошла в состав России по Ясскому мирному договору на 20 лет раньше — в 1792 году, по итогам также победоносной русско-турецкой войны.

ВОСПОЛЬЗОВАВШИСЬ гражданской войной в России, в 1918 году Бессарабию захватила Румыния. Однако Россия, утратив территорию, не утратила прав на неё. В отличие от Османской империи, Советская Россия не признала переход суверенитета над Приднестровским междуречьем к другому государству. Несмотря на все усилия, Румынии и поддержавшим её странам Запада не удалось добиться от советского правительства ни прямого, ни косвенного признания аннексии Бессарабии. Наркомат иностранных дел даже отказывался принимать от румынского МИД ноты, в которых применительно к Молдавии и Днестру употреблялись термины "румынская территория", "граница" или "румынский берег". В специальной инструкции посольству в Бухаресте предписывалось: "Документы с подобной терминологией должны быть возвращены в МИД (Румынии. — Авт.) без рассмотрения и немедленно". На всех советских картах вплоть до 1940 года Бессарабия обозначалась как оккупированная Румынией территория.

Не признала Советская Россия и Парижский протокол от 28 октября 1920 года, по которому страны Антанты передали суверенитет над Бессарабией Румынии, милостиво пообещав при этом разрешить будущему правительству России (когда они его признают) высказаться "относительно деталей данного договора". В ответной ноте правительств РСФСР и УССР была чётко обозначена позиция новых властей России: "Правительства Союзных республик России и Украины объявляют, что они не могут признать имеющим какую-либо силу соглашение, касающееся Бессарабии, состоявшееся без их участия, и что они никоим образом не считают себя связанными договором, заключённым по этому предмету другими правительствами".

Более того, СССР сорвал вступление в силу Парижского протокола. При подписании в 1925 году Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, устанавливающей дипломатические и консульские отношения между странами, Советский Союз пошёл на значительные экономические уступки Японии, потребовав в ответ отказа от ратификации Парижского протокола. Получив обширные концессии на Дальнем Востоке, Япония сразу же вспомнила о нормах международного права, и Парижский протокол превратился в ничего не значащую бумагу, интересную лишь историкам-дипломатам: для его вступления в силу требовалась ратификация всех стран — участников договора.

Доказательством тому, что японский отказ от ратификации был результатом дипломатической борьбы СССР за Бессарабию, служит запись беседы В.М. Молотова с послом Японии в СССР уже после её освобождения от румынской ок-

НАША МОЛДАВИЯ

О наследии Суворова и Кутузова

купации: "В начале беседы Того, говоря относительно Бессарабии, положительно оценивает факт разрешения вопроса о Бессарабии и подчёркивает, что в своё время при подписании Пекинской конвенции в 1925 году Япония обещала, согласно желанию СССР, не ратифицировать договора о присоединении Бессарабии к Румынии. Можно сказать, продолжает Того, что уже тогда Япония предвидела наступление такого дня. Тов. Молотов ответил, что Япония поступила умнее, чем многие другие государства, не ратифицировав договора. Теперь же вопрос о Бессарабии разрешён, и наши отношения с Румынией поставлены на правильный путь и в нормальные условия".

Следует отметить, что, подписывая Конвенцию с Японией, Советская Россия особо оговорила и ещё один крайне важный момент: "...уполномоченный Союза Советских Социалистических Республик имеет честь заявить, что признание его Правительством действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. никоим образом не означает, что Правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора". Тем самым уже тогда готовилась правовая база не только для возвращения Молдавии, но и для отмены унизительных условий Портсмутского договора, включая возвращение Южного Сахалина (это к вопросу о том, как советское правительство "разбрасывалось территориями").

ОДНАКО, не признавая аннексию Молдавии Румынией, Советский Союз не предпринимал попыток вернуть её силой, хотя и имел на то полное право. Выступая на сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 года, Молотов особо обратил на это внимание: "У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешённого спорного вопроса о Бессарабии, захват которой Советский Союз никогда не признавал, хотя никогда и не ставил вопрос о возвращении Бессарабии военным путём".

Причина тому была не в пацифизме СССР, а в полной невозможности такого решения проблемы. Поражение Германии в Первой мировой войне в схватке за мировое господство с Англией привело к восстановлению европейского равновесия при гегемонии Великобритании. В этих условиях любая попытка Советской России вернуть свою территорию неизбежно привела бы к войне не с Румынией, а с консолидированным Западом по всему периметру границ СССР. Положение оказалось бы несоизмеримо худшим, чем даже в Крымскую войну, не говоря уже о временах общеевропейского давления из-за Молдавии на Екатерину Великую.

Максимум, что в таких обстоятельствах можно было сделать, — это добиться отказа отдельных стран от признания румынского захвата, как в случае с Японией. Не больше. Поэтому Советскому Союзу ничего не оставалось, кроме как предлагать проведение в Бессарабии плебисцита под международным контролем государств, не заинтересованных в его исходе. Такое предложение, в частности, было сделано на советско-румынской конференции в Вене 1924 года: "Если бы бессарабское население путём плебисцита, свободно, при условиях, исключая-

щих всякую возможность какого бы то ни было давления со стороны Румынского правительства, и вопреки нашей твёрдой уверенности заявило о своём желании выйти из состава СССР и образовать самостоятельное государство или даже присоединиться к Румынии, то Советское правительство дало бы своё согласие на такое изменение нынешнего политического положения Бессарабии и не стало бы силой, вопреки воле населения, как это практикует Румыния в целом ряде захваченных ею у её соседей областей, удерживать Бессарабию в составе Союза. В нынешних же условиях Советское правительство продолжает считать Бессарабию частью советской территории, так как оно не может, конечно, признать, чтобы насильственный захват Бессарабии в 1918 г. войсками румынского короля создал какие бы то ни было права на Бессарабию для румынской короны".

Именно в рамках этой линии борьбы за возвращение Молдавии следует рассматривать и решение о создании в составе Украинской ССР на левобережье Днестра (никогда не входившем в Молдавское княжество) Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики (примерно современной Приднестровская Молдавская Республика). Причём столицей автономии официально объявлялся оккупированный румынами Кишинёв. Таким способом пытались и через право молдавской нации на самоопределение дополнительно обосновать необходимость плебисцита в Бессарабии.

Конечно, СССР предлагал проведение плебисцита в Молдавии, как и на захваченной Польшей территории Западной Белоруссии и Западной Украины, вовсе не из отвлечённых идеалов прав наций на самоопределение вплоть до отделения. Советское правительство хорошо знало настроения населения под румынским и польским игом и поэтому почти ничем не рисковало. Румыское же правительство, прекрасно понимая, к каким последствиям приведёт референдум в Бессарабии, категорически отвергало подобные инициативы.

В полной мере румынскую позицию поддерживали и западные демократии, несмотря на то что при установлении Версальской системы страны-победительницы, перекаивая карту Европы, неоднократно шли на организацию плебисцитов. Но плебисцит, который мог усилить Россию, страны Запада не сочли для себя возможным санкционировать.

Демократические идеалы были дружно забыты. Подобно тому, как забыты были нормы международного права, когда победители в Версале по Парижскому протоколу передавали территорию одного суверенного государства, причём ими не побеждённого (России), другому (Румынии). Все стороны руководствовались своими государственными интересами. Интересы России в тот период Запад не считал нужным учитывать, потому и поддерживал притязания Румынии, невзирая ни на какие нормы международного права и идеалы демократии.

СИТУАЦИЯ в корне изменилась, когда Германия вновь вступила в борьбу с Англией за лидерство в за-

падной цивилизации и за господство над миром. Запад, как и во времена Наполеоновских войн, раскололся. Перед Советской Россией на короткое время открылось окно возможностей для разрешения бессарабского вопроса, и она им в полной мере воспользовалась.

26 июня 1940 года Молотов предъявил румынскому правительству ноту (фактически ультиматум), в которой потребовал в 24 часа вернуть незаконно захваченную Бессарабию, — показательно, что в этом ультиматуме понятия "Советский Союз" и "Россия" употребляются как синонимы: "В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть её территории — Бессарабию. ...Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии. ... Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу".

Самостоятельно противостоять вышедшей из кризиса и окрепшей России Румыния не могла. Не оправдались и румынские надежды, как обычно, решить свои проблемы чужими руками. Румыния оказалась в полной изоляции. Германия ещё не могла себе позволить конфликт с Россией: её войска находились в только что побеждённой Франции, и потому Германия вынуждена была отказать Румынии в поддержке и рекомендовать ей принять советские условия. О вынужденном характере учёта Третьим рейхом интересов России свидетельствует запись в дневнике Йозефа Геббельса: "Требования русских неожиданны, это противоречит имеющимся договорённостям, настоящие мародёрство, русские решительно используют ситуацию".

Позиция Германии предопределила и позицию союзной ей Италии, в 1920 году подписавшей Парижский протокол о передаче Бессарабии Румынии. В новых условиях у италянского правительства "открылись глаза" и оно вспомнило вдруг о нормах международного права. Министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано сообщил советскому полпреду: "Италия целиком признаёт права СССР на Бессарабию". Эта позиция была официально доведена до сведения Румынии с предложением выполнить все требования СССР.

Если Германия ещё не могла противодействовать восстановлению территориальной целостности СССР, то Англия уже не могла себе позволить конфликтовать с СССР из-за каких-то там румынских великодержавных аппетитов. Для Англии после разгрома Франции самым важным было всеми способами вернуть СССР в войну против Германии. Поэтому, когда румынское руководство пыталось спровоцировать Великобританию на введение флота в Чёрное море и призывало Уинстона Черчилля действовать "как лорд Солсбери и мистер Дизраэли" (в Крымскую войну и русско-турецкую 1877–1878 гг., соответственно), английский посол Стаффорд Криппс по поручению Черчилля в Кремле сообщил И.В. Сталину "о желательности установления порядка на Балканах под эгидой СССР". Иными словами, в обмен на поддержку против Третьего рейха Ве-

ликобритания готова была не только признать право Советского Союза на Бессарабию, но и пообещать ему контроль над всеми Балканскими странами, включая и Румынию. Контроль над Балканами предлагала та самая Великобритания, которая была главным инициатором отторжения от России Южной Бессарабии по Парижскому трактату (1856 г.) и всей Бессарабии по Бессарабскому (Парижскому) протоколу (1920 г.). Прекрасно понимая цели Черчилля, Сталин от столь щедрого дара отказался. "Тов. Сталин, — гласит запись беседы с послом, — считает долгом сказать, что СССР не имеет такого намерения. Господствовать на Балканах СССР не стремится и такое стремление считает прометчеивым и опасным. ...Касаюсь Балкан, тов. Сталин говорит, что требования СССР к Румынии ограничиваются теми заявлениями, которые были опубликованы" (имеется в виду нота с требованием вернуть Бессарабию. — Авт.).

Франции — ещё одного потенциального защитника Румынии от СССР, страны, которая демонстративно в 1924 году во время советско-румынской конференции ратифицировала Парижский протокол с признанием суверенитета Румынии над Бессарабией, к моменту предъявления советского ультиматума как великой державы уже не существовало.

Не существовало уже на карте и другой румынской союзницы — Польши, также официально признавшей захват Бессарабии, которой Румыния, следует напомнить, отказалась помочь в момент германской агрессии 1939 года, сославшись на то, что у них военный союз только против России.

Румынию не поддерживали и союзники по Малой Антанте — Турция, Венгрия и Югославия. В изменившихся условиях они все вдруг тоже осознали отсутствие у неё законных прав на Бессарабию. Болгария же и Венгрия сами считали, что румыны оккупируют их национальные земли и притесняют венгерское и болгарское меньшинства.

Прекрасно понимая ситуативный характер всеобщей приверженности нормам международного права, Румыния попыталась затянуть переговоры, чтобы дожидаться лучших времён, когда неизбежно Германия войдёт в конфронтацию с Советским Союзом. Однако Румынии при Сталине не удалось то, что удалось в своё время Османской империи, которая при Александре I несколько лет тянула переговоры об освобождении Молдавии, пока под угрозой наполеоновского вторжения Россия не была вынуждена пойти на максимальные уступки по итогам победоносной войны и освободить от турецкого ига не всю Молдавию, а только её большую часть по Пруту.

Сталин в ловушку переговоров не пошёл и пригрозил военной акцией.

Выхода не было. Румыния приняла советский ультиматум и до советско-румынского соглашения от 28 июня 1940 года возвратила незаконно оккупированные территории. Молдавия вновь вошла в состав России, только уже Советской, а молдавский народ, как и в 1812 году, избавился от иноземного гнёта и вновь обрёл свою государственность в виде Молдавской ССР в составе Советского Союза.

В 1940 году Сталин в полной мере использовал открывшееся окно возможностей для возвращения незаконно отторгнутой территории, но вместе с тем, по справедливому утверждению молдавского историка Сергея Назария, это стало и закономерным результатом упорной "22-летней борьбы советской дипломатии за возврат Пруто-Днестровской Молдовы в состав Советского государства". Первого без второго никогда не было.

Игорь ШИШКИН